

Леонид Сергеевич Васильев История Востока. Том 1. Отрывок.

Что же это такое – Восток? Вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Речь идет не о географическом понятии – скорее, об историко-культурном, социополитическом, цивилизационном. Речь идет о гигантской всечеловеческой цельности, пусть в чем-то весьма неоднородной и противоречивой, но все же почти монолитно цельной в своей глубинной основе – той самой основе, которая, собственно, и породила в свое время дихотомию Восток – Запад. Но как возникла эта дихотомия и что, в конечном счете, ее породило? Как известно, история начинается именно на Востоке. В плодородные долины и предгорья Ближнего Востока уходят своими корнями древнейшие очаги мировой цивилизации. Именно здесь возникали и приобретали устойчивые формы древнейшие социальные и политические институты, совокупность которых определила очертания наиболее ранних модификаций человеческого общества, а затем и государства. Недаром древние римляне, цивилизация которых во многом была дочерней по отношению к ближневосточной, с уважением говорили: «Ex Oriente lux» («Свет с Востока»). Наиболее благоприятной для существования зоной при этом по-прежнему оставалась ближневосточно-средиземноморская; именно здесь 10–12 тысячелетий назад начался переход от палеолита (древнекаменного века) к неолиту. Суть перехода сводилась к постепенному оседанию коллективов бродячих охотников и собирателей в обильных растительностью и дичью лесостепных районах ближневосточных предгорий (Палестина, Анатолия, Загрос и др.). Осевшие здесь группы вначале лишь охотились за обитавшими в горах мелкими животными и собирали дикорастущие растения, особенно злаки. Позже они нашли способ приручить животных и одомашнить некоторые растения, что положило начало скотоводству и земледелию.

История человека, его производящего хозяйства, культуры, равно как и история в полном смысле этого слова, т. е. история человеческой цивилизации, – все это восходит к неолитической революции, имевшей место в ближневосточной зоне около 10 тысячелетий назад, не говоря уже о том, что в той же зоне сложился и сам сапиентный человек. Вот уж поистине Ex Oriente lux! К этому стоит добавить, что на базе производственных возможностей земледельческого неолита возникли

первые известные науке протогосударственные структуры, подавляющее большинство которых существовало опять-таки на Востоке, причем не только Ближнем. Важно заметить, что до эпохи античности такого же типа протогосударства были и на территории Европы, в частности в Греции, начиная с микенского периода ее истории. Едва ли есть основания для сомнений в ближневосточных истоках раннеевропейской земледельческой культуры, равно как и параметров ее предантичной государственности. Для доантичной Греции, предстающей перед миром наиболее ярко со страниц гомеровского эпоса, характерны были примерно те же отношения, что существовали и в иных ранних протогосударствах, в частности восточных: господствовали общинные связи, существовали мелкие правители-вожди (базилевсы и др.), тогда как частнособственнические отношения были еще неразвитыми. Иное дело – времена античности. Собственно, именно с возникновения во второй трети I тысячелетия до н. э. античной Греции и берет начало дихотомия Восток – Запад, ибо именно с этого времени греки стали ощущать и фиксировать весьма заметные отличия своего образа жизни от образа жизни соседних с ними цивилизованных народов Востока, не говоря уже о нецивилизованных «варварах».

Европа и Восток: две структуры, два пути развития

Сложившись на местной «гомеровской» основе, но заимствовав кое-что и извне (в частности, ориентируясь на финикийский эталон), античное общество сформировалось, прежде всего, на базе развитых торговых связей и средиземноморского мореплавания. То и другое, вкупе с благоприятными географическими условиями, сыграло, видимо, свою роль в архаической революции, приведшей к преобразованию доантичной (в принципе близкой к типичной древневосточной) структуры в кардинально отличную от нее античную. Трудно сказать, что явилось причиной архаической революции, которую смело можно уподобить своего рода социальной мутации, ибо во всей истории человечества она была единственной и потому уникальной по характеру и результатам. Одно несомненно: главным итогом трансформации структуры был выход на передний план почти неизвестных или по крайней мере слабо развитых в то время во всем остальном мире частнособственнических отношений, особенно в

сочетании с господством частного товарного производства, ориентированного преимущественно на рынок, с эксплуатацией частных рабов при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общины, города-государства (полиса). После реформ Солона (начало VI в. до н. э.) в античной Греции возникла структура, опирающаяся на частную собственность, чего не было более нигде в мире. Господство частной собственности вызвало к жизни свойственные ей и обслуживавшие ее нужды политические, правовые и иные институты – систему демократического самоуправления с правом и обязанностью каждого полноправного гражданина, члена полиса, принимать участие в общественных делах (римский термин *res publica* как раз и означает «общественное дело»), в управлении полисом; систему частноправовых гарантий с защитой интересов каждого гражданина, с признанием его личного достоинства, прав и свобод, а также систему социокультурных принципов, способствовавших расцвету личности, развитию творческих потенций индивида, не говоря уже о его энергии, инициативе, предприимчивости и т. п. Словом, в античном мире были заложены основы так называемого гражданского общества, послужившего идейно-институциональным фундаментом быстрого развития античной рыночно-частнособственнической структуры. Всем этим античное общество стало принципиально отличаться от всех других, прежде всего восточных, включая и финикийское, где ничего похожего, во всяком случае в сколько-нибудь заметном объеме, никогда не было. Итак, начиная с античной Греции, в цивилизованном мире возникли две разные социальные структуры – европейская и неевропейская, причем вторая (по времени появления – первая) была представлена многими вариантами, различавшимися в разных районах мира, но принципиально сходными, однотипными в главном: ей не были знакомы ни господствующая роль частной собственности, ни античное «гражданское общество». Но так ли уж это важно? Не следует ли считать античную Грецию лишь несколько отличной от других модификаций единого общего пути, как на том подчас настаивают специалисты? Здесь важно заметить, что речь идет не только о разных типах социальной структуры. Гораздо важнее с точки зрения исторического процесса много более важным результатом происшедшей в древнегреческом обществе революции-мутации было то, что античная структура пошла иным путем развития,

чем все остальные. Путем более быстрым, динамичным и результативным. Именно на основе греческой античности были достигнуты в Древнем Риме впечатляющие успехи в области экономики, политической администрации, культуры. И когда наступила эпоха длительного кризиса, связанного с падением Рима и варварскими завоеваниями, что затем привело, как известно, к появлению средневекового феодализма, отнюдь не все эти достижения остались втуне. Как раз напротив: пройдя через полосу кризиса, на что ушло несколько долгих веков, средневековая Европа начала быстро и энергично возрождать античные нормы, принципы и институты (вспомним торговые республики типа Венеции или Генуи, города в средневековой Европе со всеми их привилегиями и нормами самоуправления в период господства феодальных порядков), чем была заложена социально-экономическая основа эпохи Возрождения, которая, в свою очередь, означала создание условий для быстрого и энергичного восстановления некоторых античных порядков, элементов античной структуры. И именно последовавшее вскоре за этим, после Великих географических открытий, первоначальное накопление капитала создало материальную базу для вызревания в Европе капитализма. Капитализм в этом смысле – детище европейского города и эпохи Возрождения, прямой наследник античности (а не феодализма, как то подчас по инерции кое-кто себе представляет). Итак, европейский путь развития – это чередование структурных модификаций (античная, феодальная, капиталистическая), при которых частнособственническая активность, хотя временами, в первые века феодализма, и отступавшая, в конечном счете, была ведущей и структурообразующей. Именно господство частной собственности, огражденное системой соответствующих политических, правовых и социокультурных институтов, породило капитализм и тем заложило основу бурного экономического развития не только Европы, но и всего остального мира. Без господства частнособственнических отношений капитализм не мог возникнуть – и в этом принципиальное отличие исторического пути всех неевропейских обществ от европейского, по, крайней мере, до эпохи колониализма, когда неевропейские страны одна за другой были втянуты капиталистической Европой в единое мировое рыночное хозяйство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так каким же в свете сказанного следует считать путь развития

неевропейских стран? И что же следует в этой связи считать Востоком? Если одна структура ведет к капиталистическому развитию в силу заложенных в ней потенций эволюции, а другая, отличная от нее, в силу тех же обстоятельств (иные потенции) к капитализму привести не может, то это и создает не просто несходство структур и путей развития, а как раз ту самую дихотомию, о которой уже упоминалось. Иными словами, противостояние Восток – Запад при этом возрастает до уровня Символа. И с этой точки зрения Восток уже не просто географический Восток, как его воспринимали античные греки и римляне, но в некотором смысле иной мир, основанный на иных порядках, что, впрочем, тоже было хорошо известно уже древним грекам – достаточно вспомнить их отношение к персам в период длительных греко-персидских войн, подробно описанных, в частности, Геродотом. Таким образом, с античности уже была известна разница между европейским античным обществом и неевропейским миром, олицетворенным в то время хорошо известным грекам Востоком, будь то Египет, Вавилон или Персия. Заслуживает внимания, что эту разницу, впоследствии заложившую основы востоковедения, ощущали и анализировали именно европейцы, античные греки и их наследники, порвавшие с традиционной восточного типа структурой и обитавшие в рамках новой, принципиально иной структуры, но не жители стран Востока, культура которых в те времена, да и позже, не была заметно ниже европейской, нередко бывала равна ей, а порой кое в чем и превосходила ее. И хотя эта формула не абсолютна (известно, что питавшая пристрастие к историописанию китайская традиция стремилась дать характеристику далеких народов, даже европейских, но она при этом обычно не выходила за рамки скупого описания), факт остается фактом: анализ разницы между европейским и неевропейским обществами первыми дали и впоследствии стремились углубить именно европейцы, что и легло со временем, как упоминалось, в фундамент современного востоковедения.